

А.С. Федорук

Культурогенез древнего населения степного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы*

Долгое время отсутствие полноценной источниковой базы по эпохе поздней бронзы для территории степного Обь-Иртышья неизбежно вынуждало исследователей при реконструкции древней истории этого региона использовать данные и схемы культурно-исторического развития соседних, более изученных регионов (Рудного Алтая, Приобья, Восточного Казахстана, Барабы). Однако активизация работ в последней четверти XX – начале XXI вв. позволила изменить ситуацию. На сегодняшний день на территории степного Обь-Иртышья известно более 80 памятников, в коллекциях которых содержатся материалы эпохи поздней бронзы [1, с. 6]. Их изучение позволило исследователям в общих чертах осветить древнюю историю региона. В частности, были выделены и охарактеризованы материалы целого ряда культур эпохи поздней бронзы: саргаринско-алексеевской, бегазы-дандыбаевской, ирменской, черкакульской и др. Вместе тем до настоящего времени недостаточно изученной остается проблема культурогенеза и межкультурного взаимодействия носителей этих традиций. Настоящая работа посвящена введению в научный оборот основных результатов специального исследования по данной проблеме.*

В коллекциях большинства памятников эпохи поздней бронзы, расположенных на территории степной полосы Обь-Иртышского междуречья, абсолютно преобладают материалы **саргаринско-алексеевской** культурной традиции. Это, как правило, фрагменты толстостенных и грубо изготовленных керамических горшков, в том числе с уступом (ребром) на плечиках, банок и кувшиновидных сосудов. Орнаментирована преимущественно шейка, реже плечики, иногда и тулово. Господствующей техникой нанесения декора является штампование, часто присутствует наклепная техника, реже используются пальцевая, резная техники, выдавливание, насечки и наколы. В коллекцию данной культурной традиции входит большая часть валиковой и воротничковой керамики. Эти элементы присутствуют как неорнаментированные, так и украшенные пальцевыми защипами, оттисками ногтя, поясками, сеточкой, выполненными оттисками гладкого или гребенчатого штампа, нарезками. Орнаментирована керамика саргаринско-алексеевской традиции разнообразными поясками, сеточкой, елоч-

кой, зигзагами, исполненными оттисками различных штампов, резными линиями, а также рядами оттисков ногтя, палочки, пальцевых защипов, элементами геометризма. Единично встречаются фрагменты сосудов с шишковидными налепами. В декоре преобладают композиции, состоящие из одного либо двух различных элементов орнамента.

Вместе с тем из общей массы саргаринско-алексеевской керамики возможно выделение хронологически ранних и поздних комплексов [1, с. 11–12, 15; 2, с. 109; 3, с. 13; 4, с. 144; 5, с. 32, 35]. К ранним, вероятно, относятся сосуды, орнаментированные узорами, выполненными гребенчатым штампом, лопаточкой и элементами геометризма, а также, возможно, керамика, внешняя поверхность которой практически целиком покрыта пальцевыми защипами (рис. 1.-1–6). Вкупе с относительной нарядностью, пышностью узора, использование этих элементов, вероятно, является наследием андроновской эпохи и свидетельствует о происхождении саргаринско-алексеевской керамики от предшествующей ей андроновской посуды. Относительно поздними признаками можно считать появление в орнаментации жемчужника, исчезновение каннелюр, относительно скромную орнаментацию и появление сосудов кувшиновидных форм (рис. 1.-7–11). Совокупность этих признаков позволяет предполагать, что саргаринско-алексеевское население региона сыграло определенную роль в формировании раннескифского.

Для носителей саргаринско-алексеевской культурной традиции характерно использование разнообразных категорий бронзового и костяного инвентаря: кинжалы, ножи и наконечники стрел, псалии и т.д. Бросающееся в глаза разнообразие типов вооружения, не свойственное населению более раннего периода, наряду с появлением псалиев, свидетельствует о начале формирования снаряжения верхового воина и кочевнического стиля ведения боя, распространившегося в последующее время на обширной территории степей Евразии [6, с. 52–53].

Хозяйство саргаринско-алексеевцев реконструируется как придомно-отгонное скотоводство. На всех поселениях преобладают костные останки домашних животных: крупного и мелкого рогатого скота (козы и овцы), лошади и собаки [1, с. 13; 3, с. 16; 7, с. 333]. Очевидно, такое соотношение животных в стаде демонстрирует дальнейшее развитие андроновских традиций скотоводства.

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ (НШ-5400.2008.6. «Создание концепции этнокультурного взаимодействия на Алтае в древности и средневековье»).

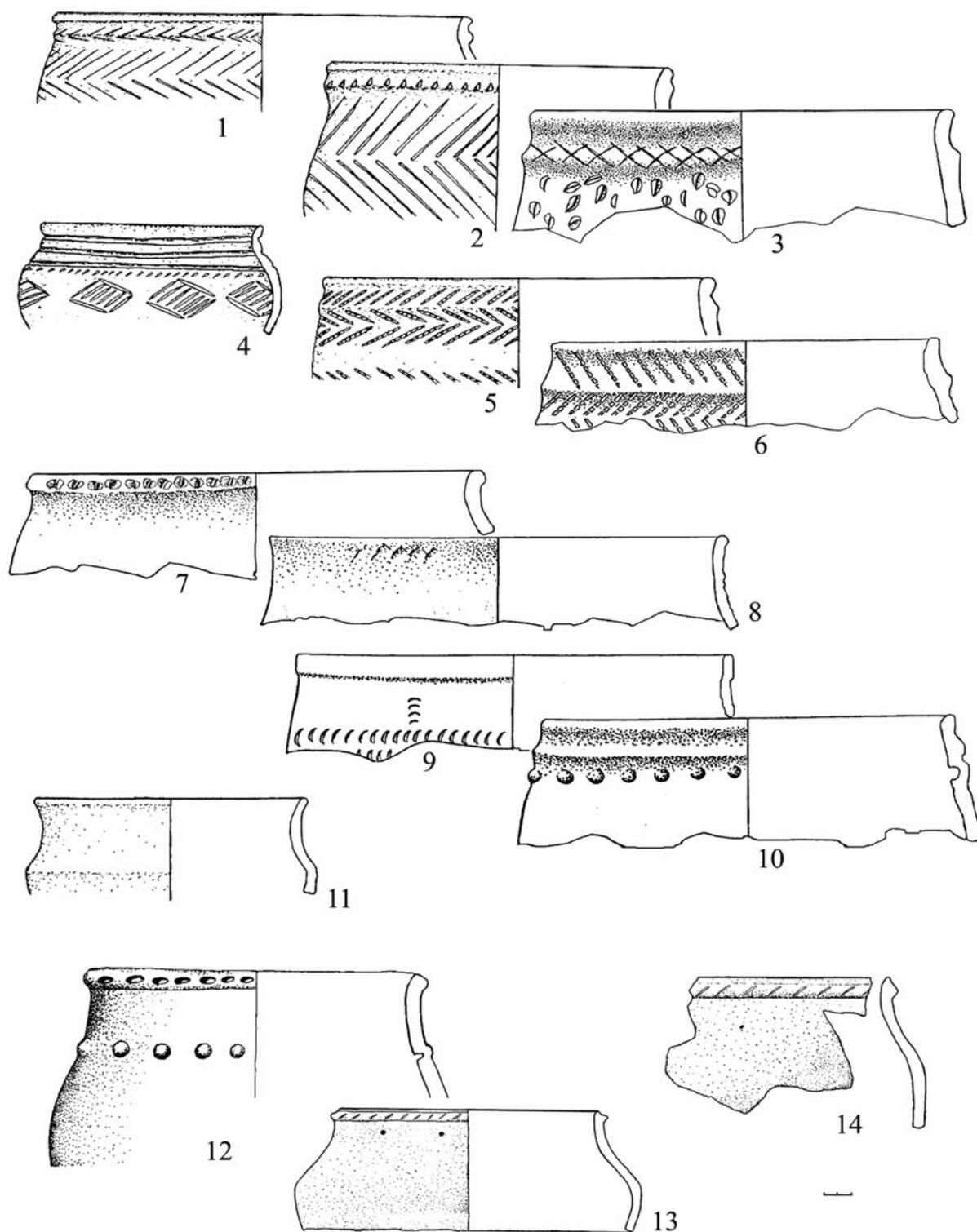

Рис. 1. Саргаринско-алексеевская и донгальская керамика степного Обь-Иртышья
 (по: 1, 2, 4, 5 – Ситников С.М., 2004; 3, 6–10 – Папин Д.В., Федорук А.С., 2005;
 11 – Демин М.А., Ситников С.М., 2002; 12–14 – Папин Д.В., Федорук А.С., 2007)

Захоронения, культурная принадлежность которых определяется нами как саргаринско-алексеевская (погребения № 7, 10 20 грунтового могильника Рублево-VIII и захоронение из могильника Нижняя Суетка), ориентированы по сторонам света (запад–восток, либо север–юг), умершие лежат в скорченном положении на левом боку, в районе головы стоят керамические сосуды, аналогичные основной массе саргаринско-алексеевской посуды поселений [8, с. 82]. Несомненно, происхождение саргаринско-алексеевского погребального обряда неразрывно связано с андроновскими традициями погребения умерших.

Отдельную группу саргаринско-алексеевских материалов составляют немногочисленные коллекции, соотносящиеся с **донгальскими** комплексами Казахстана [9; 10]. Обнаружены они на поселениях Калиновка-II, Рублево-VI, Черная Курья-3 [1, с. 16; 2, с. 119; 11, с. 143; 12, с. 83, 94–95; 13, с. 194]. Своеобразие этой группы обусловлено особенностями орнамента керамики. Так же, как и саргаринско-алексеевские, донгальские сосуды грубо изготовлены и толстостенны. У горшков орнаментирована преимущественно шейка, реже плечики, у сосудов баночных форм – плечики. В декоре использованы налепы и штампование, выдавливания и пальцевые защипы. Характерной чертой посуды данной культурной традиции является наличие в верхней части шейки узких подтреугольных в сечении валиков. В большинстве случаев они украшены поясками из оттисков гладкого или гребенчатого штампов, рядами защипов или оттисков ногтя. Часто валики сочетаются с рядами жемчужин, елочкой или поясками, выполненными оттисками гладкого штампа. Орнаментальные схемы состоят в основном из одного мотива, реже из одного мотива, повторенного дважды (рис. 1.-12–14). Таким образом, орнаментация посуды чрезвычайно схожа с декором саргаринско-алексеевской посуды, однако более бедна, разряжена, что более приближает ее к посуде раннескифского времени.

Единственное изученное в настоящее время жилище (пос. Калиновка-II), в заполнении которого преобладает донгальская керамика, по своей конструкции повторяет саргаринско-алексеевские, что также подтверждает преемственность донгальских комплексов от саргаринско-алексеевских.

Таким образом, рассматривая генезис саргаринско-алексеевской культуры, можно достаточно уверенно говорить о том, что ее происхождение связано с дальнейшими судьбами андроновского населения. Очевидно, определенную роль в этом процессе сыграли как федоровские, так и срубно-алакульские племена (наследие последних проявилось в появлении горшков с ребром в зоне плечиков). В дальнейшем носители саргаринско-алексеевской культуры, являясь доминирующим населением степного региона, очевидно, доживают до конца эпохи бронзы и вливаются

составной частью в формирующееся раннескифское общество.

Практически на всех поселениях степного региона присутствуют материалы, культурная принадлежность которых определяется нами как **бегазы-дандыбаевская** (рис. 2.-1–5). Керамика данной культурной традиции представлена фрагментами горшков и банок, орнаментированных преимущественно в области плечиков и тулова сосудов. Преобладающей техникой орнамента является штампование (мелкозубчатая гребенка, фигурный штамп). Присутствуют также резная техника, налепы, наколы. Немногочисленные валики орнаментированы сеточкой или елочкой, выполненными оттисками мелкозубчатого гребенчатого штампа. Наиболее часто в орнаментации употребляются различные геометрические мотивы (треугольники, ромбовидные и меандровидные фигуры) из оттисков мелкозубчатого гребенчатого штампа, а также ряды из оттисков конца полой трубочки (пера?). Встречены пояски из резных линий и ряды вдавлений, выполненных уголком лопаточки. Кроме того, для керамики данной культурной традиции характерно использование в декоре зигзага, линий, сеточки, елочки. Узоры сосудов состоят из двух, трех и более различных элементов орнамента. Зафиксировано использование в декоре только одного элемента. Данная посуда, отличаясь от андроновской иной формой и более упрощенной орнаментацией, несомненно, является одним из вариантов дальнейшего развития андроновских традиций.

Бегазы-дандыбаевские комплексы в относительно «чистом» виде изучены только на поселениях Бурла-3, Кайгородка-3 и Гридино, выделенных В.С. Удодовым в особый «бурлинский тип», характеризующийся сосуществованием двух культурных традиций: бегазы-дандыбаевской и среднеазиатской (станковая керамика), а также в материалах могильников Кара-Оба и Полугора [14, с. 11; 15, с. 73]. Обнаруженные здесь изделия не отличаются от основной массы саргаринско-алексеевских, что свидетельствует о тесных связях носителей этих традиций.

В настоящее время из-за отсутствия источниковой базы невозможно полноценно изучить хозяйственную деятельность бегазы-дандыбаевцев. Некоторое представление о ней дают материалы поселений «бурлинского типа»: в стаде преобладал крупный рогатый скот, второе место принадлежало лошади, а третье – овце. Демонстрируя определенное сходство хозяйства с предшествующим андроновским, население поселений Бурла-3, Кайгородка-3, Гридино уже стояло на более высоком уровне развития всех направлений скотоводства, в особенности овцеводства и коневодства. Проводилась гибридизация этих животных. В частности, велась работа над созданием полутонкорунных овец, а также верховой породы лошадей – на уровне породообразования. Увеличение доли мел-

кого рогатого скота и лошади в составе стада, в совокупности с пороодообразующей деятельностью, говорит о том, что скотоводство по сравнению с андроновским временем начало выходить на принципиально новый уровень – формирование кочевого состава стада [16, с. 37].

Погребальный обряд бегазы-дандыбаевского населения исследуемого региона реконструируется по данным могильников Чекановский Лог-7, Кара-Оба и Полугора. На памятнике Кара-Оба изучены погребальные конструкции из кирпича, в могильнике Полугора зафиксированы остатки деревянной рамы [15, с. 76–77], в остальных случаях следов погребальных конструкций не зафиксировано. Захоронения ориентированы по линии северо-запад-юго-восток, либо запад-восток. В районе головы умершего стоят горшки [9, с. 83]. Очевидно сходство погребального обряда носителей бегазы-дандыбаевской и саргаринско-алексеевской культурных традиций, что обусловлено наличием единой (андроновской) основы в их происхождении.

Говоря об истоках бегазы-дандыбаевской культурной традиции, в настоящее время с большой степенью достоверности можно говорить лишь о происхождении ее носителей от андроновцев (федоровцев). Вместе с тем вопрос об ареале формирования бегазы-дандыбаевской культурной традиции остается открытым [17, с. 106; 18, с. 13]. В дальнейшем, видимо, бегазы-дандыбаевцы влились в саргаринско-алексеевское общество. Обнаружение отдельных фрагментов бегазы-дандыбаевской керамики на поздних саргаринско-алексеевских памятниках может свидетельствовать об особом статусе этой посуды либо в целом о не рядовом положении этой группы населения.

Отдельную группу в керамических комплексах памятников региона составляют фрагменты посуды, изготовленной на гончарном круге (**станковая керамика**). Они, совместно с бегазы-дандыбаевской керамикой, в незначительном количестве присутствуют практически на всех саргаринско-алексеевских поселениях, а на памятниках «бурлинского типа» и могильниках Кара-Оба и Полугора составляют до 60% комплекса [14, с. 12; 15, с. 76–77]. Все реконструируемые сосуды (хумчи и чаши), как правило, не украшены, но ангобированы. Можно предположить, что ангоб выполнял роль декора. Особый интерес представляет факт наличия в коллекциях поселений Бурла-3 и Новоильинка четырех фрагментов сосудов: один фрагмент имеет две широкие каннелюры на шейке, второй – три прочерченные линии на тулове, и два фрагмента украшены беспорядочно расположенными пальцевыми защипами.

Вероятно, в эпоху поздней бронзы имело место проникновение немногочисленных коллективов носителей традиции изготовления станковой керамики

из пограничных районов Средней Азии и Казахстана на территорию степного Обь-Иртышья. Это подтверждается присутствием в коллекции поселений бурлинского типа фрагментов станковой керамики, оплавленных в процессе обжига, что свидетельствует о местном их производстве. Мигранты из Средней Азии были тесно связаны с бегазы-дандыбаевцами и активно контактировали с ранними саргаринско-алексеевцами, о чем свидетельствуют комплексы поселений бурлинского типа, данные могильников Кара-Оба и Полугора, а также обнаружение на поселениях Бурла-3 и Новоильинка орнаментированных фрагментов станковой посуды. Аналогичное проявление культурной диффузии прослеживается в Средней Азии по материалам культуры Намазга-VI [19], а также на ряде поселений Казахстана, где орнаментированные фрагменты станковой керамики присутствуют в виде примеси к основному саргаринско-алексеевскому комплексу [20, с. 56–68]. В дальнейшем, видимо, данная группа растворилась в основной массе населения региона, и навыки изготовления керамики на гончарном круге были утрачены. Обнаружение же единичных фрагментов станковой керамики в комплексах с преобладанием поздней саргаринско-алексеевской посуды, вероятно, связано с контактами населения региона с Казахстаном и Средней Азией.

Самостоятельную группу материалов составляют коллекции, наиболее близкие комплексам **черкаскульских** памятников Зауралья (рис. 2.-6–9). В степном Обь-Иртышье они обнаружены на поселениях Калиновка-II и Черная Курья-3 [11, с. 142–145; 12, с. 94–95; 21, с. 101–104]. Керамика данной группы представлена сильно- и слабопрофилированными горшками и банками. Орнаментировалась преимущественно верхняя треть сосудов. Использовались штампование и прочерчивание, реже налепы и пальцевые защипы. Присутствуют различные треугольники, ромбы, трапеции, разнообразные пояски, линии, зигзаги, елочка, ряды оттисков ногтя, палочки, уголка лопаточки и другие элементы орнамента, образующие композиционные схемы из двух, трех, четырех и более различных мотивов [22, с. 59–61]. В целом в формах и орнаментации черкаскульской керамики четко прослеживаются черты андроновской посуды.

Изделия из бронзы и кости, обнаруженные в черкаскульских комплексах поселений Калиновка-II и Черная Курья-3, существенно не отличаются от саргаринско-алексеевских, что говорит об использовании разнокультурным населением единых типов орудий.

Единственное изученное черкаскульское жилище (пос. Калиновка-II) представляет собой небольшой по размерам котлован подпрямоугольной в плане формы с коридорообразным выходом. Стены жилища, видимо, состояли из рядов плетня, снаружи укрепленных кирпичами из дерна, а крыша была сделана из снопов

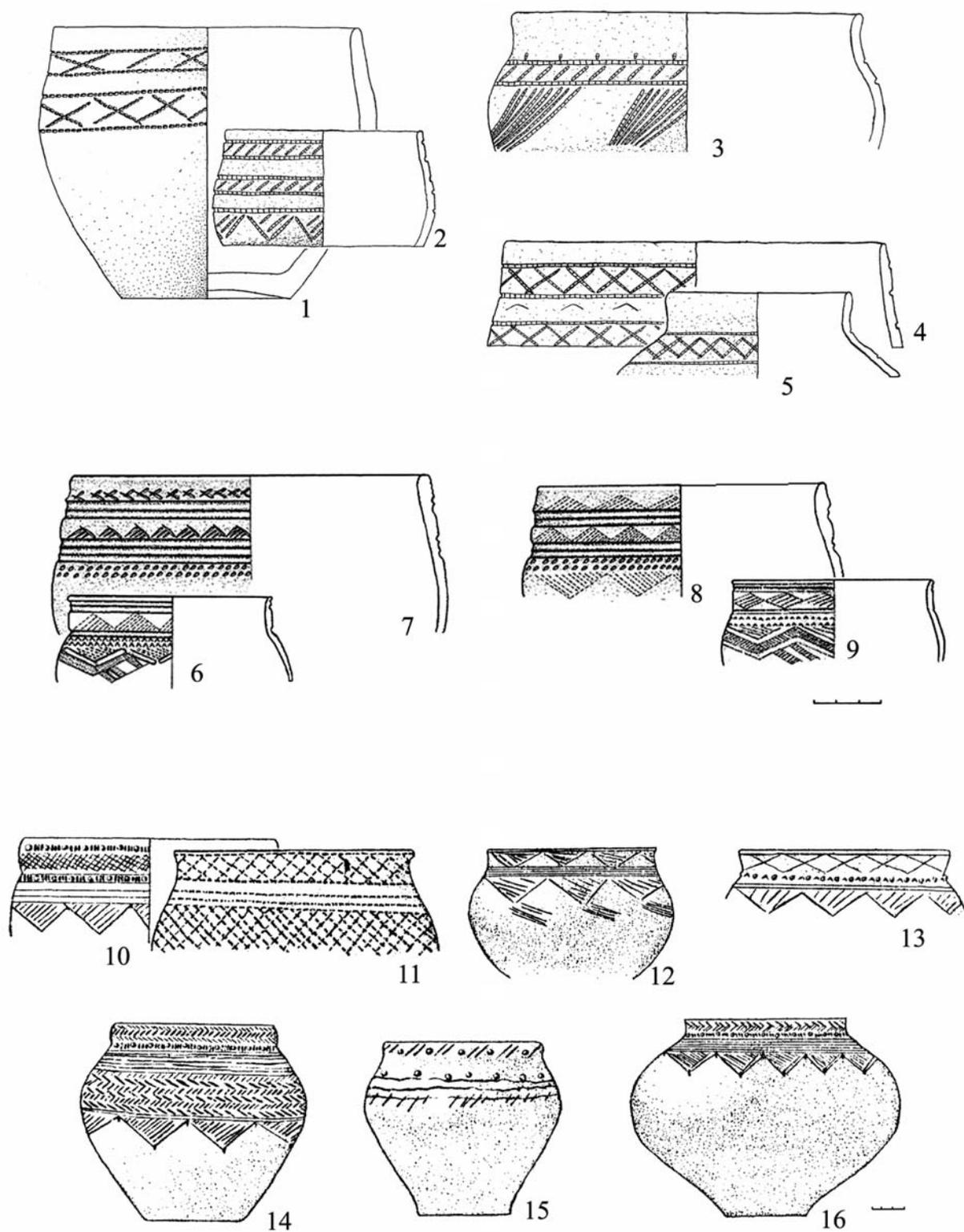

Рис. 2. Бегазы-дандыбаевская, черкаскульская и ирменская керамика степного Обь-Иртышья
 (по: 1–5 – Папин Д.В., Федорук А.С., 2005; 6–9 – Кирюшин Ю.Ф., Иванов Г.Е.,
 Удодов В.С., 1990; 10–16 – Иванов Г.Е., 1990)

или камыша. Внутри котлована имелось три очага [23, с. 146, 149]. Отличие этого типа построек от наиболее распространенного в степном регионе двухкамерного типа и его явное сходство с черкаскульскими жилищами лесной полосы [24, с. 8–11; 25, с. 115–123] свидетельствуют о пришлом характере носителей черкаскульских традиций.

Таким образом, очевидно, что формирование черкаскульской культуры является результатом дальнейшего развития андроновских традиций. Вместе с тем их появление на территории степного Обь-Иртышья, вероятно, является результатом миграции немногочисленных коллективов с территории лесного Зауралья в Кулунду. Носители данной культурной традиции здесь сосуществовали с ранними саргаринце-алексеевцами, в пользу чего свидетельствует обнаружение на поселении Калиновка-II банки, орнаментированной в нижней части тулова и придонной части горизонтальной елочкой оттисками крупнозубчатого гребенчатого штампа, а в верхней части тулова и по плечикам – рядами пальцевых защипов [22, с. 61–62]. В дальнейшем, видимо, немногочисленные черкаскульцы влились в саргаринско-алексеевское население региона.

Необходимо также отметить преобладание в комплексах двух поселений региона (пос. Крестьянское-IX, Гусиная Ляга-1) материалов **ирменской** культурной традиции [26; 27]. Основными типами сосудов являются горшки и банки. Орнамент наносился преимущественно на шейку и плечики. Господствующими техниками нанесения орнамента являются нарезка и выдавливание. В орнаментации преобладают сеточка, елочка, пояски, геометрические мотивы (разнообразные заштрихованные треугольники вершинами вверх, либо друг к другу, ромбы), ряды жемчужин с разделителем (косые насечки), линии. Редко фиксируются узкие каннелюры и невысокие узкие валики. В орнаментации сосудов преобладают композиции из трех и более различных элементов (рис. 2.-10–16). В целом данная керамика более близка позднеирменским материалам Приобья и Барабы, нежели собственно ирменским. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что время существования поселений Крестьянское-IX и Гусиная Ляга-I, а следовательно, и проникновение приобского населения в степь приходится на поздний этап существования ирменской культурной традиции.

Изделия, обнаруженные на этих памятниках, по основным параметрам принципа изготовления отличаются от степных и более тяготеют к традициям приобских мастеров. Вместе с тем именно эти традиции стали господствующими в степи в VIII в. до н.э., что, очевидно, является следствием возросшего влияния приобского населения на степной регион в конце IX – 1-й половине VIII вв. до н.э. [28, с. 101].

Жилище, изученное на поселении Крестьянское-IX, по своим параметрам и конструкции не отличается

от ирменских жилищ Приобья – это однокамерная полуземлянка большого размера с котлованом подпрямоугольной в плане формы и коридорообразным выходом [26, с. 87, 89].

Достоверно с носителями ирменской культурной традиции в степном регионе можно соотнести только одно захоронение, совершенное в жилище поселения Крестьянское-IX. Умерший лежал головой на юго-запад. Вместе с костями был найден небольшой керамический сосуд, орнаментированный в традициях ирменских гончаров [26, с. 89].

Таким образом, материалы ирменской культурной традиции, происходящие из степного Обь-Иртышья, свидетельствуют о том, что носители данной традиции в степном регионе появляются в результате миграции с территории Верхнего Приобья на финальном этапе позднебронзового времени. Очевидно, в это время возрастает влияние приобских племен на степное население, что приводит к проникновению в Кулунду отдельных коллективов носителей ирменской культуры.

Результаты проведенного исследования позволяют выделить в культурно-историческом развитии степного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы три условных хронологических этапа, отражающих основные направления культурогенеза и межкультурного взаимодействия населения этого региона.

Первый этап (XIII/XII–XI вв. до н.э.). На данном этапе основную массу населения составляли, по-видимому, носители саргаринско-алексеевской культурной традиции (первый этап развития общности культур валиковой керамики [2, с. 109, 111], ранняя группа саргаринско-алексеевских памятников [3, с. 13]). В это время, в том числе и на территории исследуемого региона, видимо, происходило формирование данной культурной традиции на основе предшествующей ей андроновской (федоровской). Определенное участие в этом принял алакульский компонент. Саргаринско-алексеевские материалы этого периода обнаружены на поселениях Рублево-VI, Калиновка-II, Советский Путь-1, Новоильинка.

Параллельно с саргаринце-алексеевцами в степном регионе проживали немногочисленные носители черкаскульских культурных традиций (поселения Калиновка-II, Черная Курья-III), которые, вероятно, являются пришлыми из более западных районов Зауралья.

Уникальные материалы памятников бурлинского типа (поселения Бурла-3, Кайгородка-3, Гридино), а также данные могильников Кара-Оба и Полугора, свидетельствуют о проживании в Кулунде своеобразной группы населения, в культуре которой сочетались бегазы-дандыбаевская и станковая традиции. Данная группа является пришлой из приграничных районов Казахстана и Средней Азии. Все вышеперечисленные группы населения мирно сосуществовали на территории степного Обь-Иртышья, что во многом было

обусловлено их родственностью (происхождение от андроновской культуры), а также различными типами хозяйства.

При определении хронологических рамок этапа большое значение приобретают данные радиоуглеродного анализа. Так, образцы древесных углей из заполнения сооружений могильника Кара-Оба указали на рубеж XII–XI вв. до н.э. [15, с. 76], даты нижних горизонтов зольника поселения Рублево-VI относятся к XI–IX вв. до н.э. [29, с. 365], радиоуглеродная датировка поселения Кайгородка-3 укладывается в XIV в. до н.э. [30, с. 90].

Второй этап (X–IX вв. до н.э.). В это время население региона сливается в единое общество. В нем численно преобладают носители саргаринско-алексеевской культурной традиции (второй этап развития общности культур валиковой керамики [2, с. 115, 117], поздняя группа саргаринско-алексеевских памятников [3, с. 13]). Носители бегазы-дандыбаевской и черкаскульской традиций влились в это общество. Не исключено, что бегазы-дандыбаевцы занимали в сложившемся обществе высокое социальное положение. Об этом свидетельствуют обнаруженные на территории Казахстана многочисленные мавзолеи с бегазы-дандыбаевской керамикой, обнаружение на поселении Рублево-VI бегазы-дандыбаевской керамики только в заполнении зольника, совместно с человеческими останками и большим количеством изделий из бронзы. Можно предположить, что данная группа общества была связана с отправлением культа. Материалы второго этапа обнаружены на ряде памятников региона: поселения Жарково-1, Жарково-3, Чекановский Лог-1, Рублево-VI, Новоильинка, Советский Путь-1, Калиновка-II, Шауке-2, Шидертинское-1 и многих других. В это время население степного региона активно контактировало с сопредельными территориями, о чем свидетельствуют наличие саргаринско-алексеевской посуды на ирменских памятниках, расположенных на стыке степи и лесостепи

(Заковряшино-1, Речкуново-IV, Казенная Заимка и др.), и присутствие немногочисленной станковой керамики на большинстве памятников с преобладанием поздних саргаринско-алексеевских материалов.

В решении вопроса о датировке второго этапа важное значение приобретают радиоуглеродные даты верхнего слоя зольника поселения Рублево-VI, указывающие на X–IX вв. до н.э.

Третий этап (VIII в. до н.э.). Это время маркируется периодом существования донгальских (пос. Жарково-1, Калиновка-II, Рублево-VI, Шарбакты) и позднеирменских комплексов (пос. Крестьянское-IX, Гусиная Ляга-1), Оставившее их население в дальнейшем оказало влияние на формирование раннескифской культуры. Проникновение в этот период незначительных групп приобского населения в степное Обь-Иртышье, видимо, является следствием включения степного Алтая в сферу первоочередных интересов племен Верхнего Приобья. Последнее привело к увеличению их влияния на степное население, что отразилось в изменении основных принципов изготовления бронзовых изделий (в частности, ножей) [28, с. 101]. Мигранты из Приобья сосуществовали и имели тесные контакты с донгальским населением.

Датируется третий этап временем существования донгальских [10, с. 128; 31, с. 290–293] и позднеирменских [32, с. 128–135] материалов, что подтверждается радиоуглеродной датой пробы со дна жилища котлована поселения Рублево-VI (VIII в. до н.э.).

Такое сосуществование в рамках эпохи поздней бронзы на одной территории различных в культурном отношении групп во многом обусловлено самим географическим расположением Кулундинской степи, являющейся контактной зоной между Приобьем и Прииртышьем, Барабинской лесостепью и предгорьями Алтая. Благодаря такому расположению степное Обь-Иртышье было своеобразным коридором, связывающим позднебронзовые племена Казахстана с населением Приобья и Барабинской лесостепи.

Библиографический список

1. Федорук, А.С. Этнокультурное взаимодействие древнего населения степного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы / А.С. Федорук : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2006.
2. Кирюшин, Ю.Ф. Новые материалы эпохи поздней бронзы степного Алтая / Ю.Ф. Кирюшин, Г.Е. Иванов, В.С. Удодов // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул, 1990.
3. Ситников, С.М. Саргаринско-алексеевская культура лесостепного и степного Алтая / С.М. Ситников : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2002.
4. Ситников, С.М. Поселение Советский Путь-1 и некоторые вопросы происхождения и культурно-исторических контактов саргаринско-алексеевского населения / С.М. Ситников // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул, 2004.
5. Демин, М.А. Поселение Чекановский Лог-1 в системе относительной хронологии саргаринско-алексеевских древностей / М.А. Демин, С.М. Ситников // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул, 2002.
6. Иванов, Г.Е. Вооружение населения степного и лесостепного Алтая в эпоху поздней бронзы / Г.Е. Иванов // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. – Новосибирск, 2005.
7. Кирюшин, Ю.Ф. Исследования Рублевского археологического микрорайона на юге Кулундинской степи в 2002 году / Ю.Ф. Кирюшин, П.А. Косинцев, Д.В. Папин, А.Б. Шамшин // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2002. – Т. VII.
8. Папин, Д.В. Погребальный обряд древнего насе-

ления степного Обь-Иртышья в эпоху поздней бронзы / Д.В. Папин, А.С. Федорук // Кадырбаевские чтения. – Актобе, 2007.

9. Папин, Д.В. О своеобразии памятников финальной бронзы степного Алтая / Д.В. Папин, А.С. Федорук // Экология древних и традиционных обществ. – Тюмень, 2007. – Вып. 3.

10. Ломан, В.Г. Донгальский тип керамики / В.Г. Ломан // Вопросы периодизации археологических памятников Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1987.

11. Иванов, Г.Е. Два поселения эпохи поздней бронзы в Степном Алтае / Г.Е. Иванов // Культура народов евразийских степей в древности. – Барнаул, 1993.

12. Иванов, Г.Е. Свод памятников истории и культуры Мамонтовского района (к 220-летию с. Мамонтово) / Г.Е. Иванов. – Барнаул, 2000.

13. Папин, Д.В. Орнаментальная схема керамического комплекса поселения Рублево-VI как источник для реконструкции процессов этнокультурного взаимодействия степной зоны Алтая в эпоху поздней бронзы / Д.В. Папин, А.С. Федорук // Проблемы историко-культурного развития древних и традиционных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий. – Томск, 2005.

14. Мерц, В.К. Археологические исследования в Бескарагае / В.К. Мерц // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. – Барнаул, 2006.

15. Удодов, В.С. Эпоха развитой и поздней бронзы Кулунды / В.С. Удодов : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 1994.

16. Гальченко, А.В. Скотоводческое хозяйство древнего населения Северной Кулунды в эпоху поздней бронзы (памятники «со станковой керамикой среднеазиатских земледельческих культур») / А.В. Гальченко // Культура древних народов Южной Сибири. – Барнаул, 1993.

17. Косарев, М.Ф. Из древней истории Западной Сибири / М.Ф. Косарев // Российский этнограф. – М., 1993. – Вып. 4.

18. Бобров, В.В. Бегазы-дандыбаевские памятники и андроновидные культуры Западной Сибири / В.В. Бобров // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. – Барнаул, 2002.

19. Массон, В.М. Древнеземледельческая культура Маргианы / В.М. Массон // МИА. – 1959. – №73.

20. Варфоломеев, В.В. Относительная хронология керамических комплексов поселения Кент / В.В. Варфоломеев // Вопросы периодизации археологических памятников

Центрального и Северного Казахстана. – Караганда, 1987.

21. Иванов, Г.Е. К вопросу об абсолютной и относительной хронологии памятников с валиковой керамикой степного Алтая / Г.Е. Иванов // Хронология и культурная принадлежность памятников каменного и бронзового веков Южной Сибири. – Барнаул, 1988.

22. Иванов, Г.Е. Керамический комплекс поселения Калиновка-2 / Г.Е. Иванов, А.С. Федорук // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. – Новосибирск, 2005. – Т. 2.

23. Иванов, Г.Е. Жилище эпохи бронзы с поселения Калиновка-II / Г.Е. Иванов // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2000. – Вып. XI.

24. Хлобыстин, Л.П. Поселение Липовая Курья / Л.П. Хлобыстин. – Л., 1976.

25. Евдокимов, В.В. Поселение Шукубай-2 / В.В. Евдокимов // Бронзовый век Южного Приуралья. – Уфа, 1985.

26. Иванов, Г.Е. Поселение Крестьянское-IX – памятник финальной бронзы степного Алтая / Г.Е. Иванов // Проблемы археологии и этнографии Южной Сибири. – Барнаул, 1990.

27. Ситников, С.М. Новые материалы финальной бронзы Северной Кулунды / С.М. Ситников, Ю.И. Гельмель // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул, 2000. – Вып. XI.

28. Папин, Д.В. Ножи эпохи поздней бронзы – переходного от бронзы к железу времени с территории степного Обь-Иртышья / Д.В. Папин, А.С. Федорук // Алтай в системе металлургических провинций бронзового века. – Барнаул, 2006.

29. Кирюшин, Ю.Ф. Комплексные исследования Рублевского археологического микрорайона / Ю.Ф. Кирюшин, Д.В. Папин, А.Б. Шамшин // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск, 2003. – Т. IX.

30. Кирюшин, Ю.Ф. Некоторые вопросы хронологии памятников бронзового века Алтая / Ю.Ф. Кирюшин, В.С. Удодов // Маргулановские чтения 1990 г. – М., 1992. – Ч. I.

31. Ломан, В.Г. Общность культур переходного времени от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку / В.Г. Ломан // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. – Пермь, 2003.

32. Матвеев, А.В. Ирменская культура в лесостепном Приобье / А.В. Матвеев. – Новосибирск, 1993.